

УДК 316.74:001
ББК 60.55
Б-15

Бадмаев Валерий Николаевич, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Калмыцкого государственного университета, т.: 7(918)6833730;

Хутыз Заурбеч Асланбиевич, доктор экономических наук, профессор, проректор Майкопского государственного технологического университета, т.: 7(918)4419809.

ПОСТСОВЕТСКОЕ СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КУЛЬТУРНО-ИДЕНТИФИКАЦИОННЫЙ ИНТЕГРАТОР
(рецензирована)

Статья подготовлена в рамках проекта РГНФ – Академия наук Абхазии (АНА) №14-23-12001 «Постсоветское социокультурное пространство (на примере адыго-абхазской культурной идентичности)»

Статья посвящена анализу перспектив феноменов постсоветского социокультурного пространства и постсоветской культурной идентичности.

Ключевые слова: постсоветское социокультурное пространство, постсоветская культурная идентичность, глобализация, культурное взаимодействие.

Badmaev Valery Nicholaevich, Doctor of Philosophy, professor, head of the Department of Philosophy and Cultural Sciences of Kalmyk State University, tel.: 7 (917) 6833730;

KhutyZ Zaurbech Aslanbievich, Doctor of Economics, professor, vice-rector of Maikop State Technological University, tel.: 7 (918) 4419809.

POST-SOVIET SOCIO-CULTURAL SPACE AS A CULTURAL AND IDENTIFICATION INTEGRATOR
(Reviewed)

The article is prepared within the RSSF project - Academy of Sciences of Abkhazia (ASA) № 14-23-12001 "Post-Soviet socio-cultural space (on the example of Adygh-Abkhaz cultural identity)".

This article analyzes the prospects for the phenomena of the post-Soviet socio-cultural space and post-Soviet cultural identity.

Keywords: post-Soviet socio-cultural space, post-Soviet cultural identity, globalization, cultural interaction.

Среди событий, кардинальным образом повлиявших на геополитическую динамику развития всего постсоветского пространства, можно указать референдум о вхождении Крыма в состав России в качестве субъекта федерации и подписание Договора о создании Евразийского экономического союза.

Как известно на референдуме о статусе Республики Крым, который состоялся 16 марта 2014 года, 96,77% пришедших на избирательные участки крымчан проголосовали за присоединение к России [1]. По результатам референдума в составе Российской Федерации были образованы новые субъекты – Республика Крым и город федерального значения Севастополь.

29 мая 2014 года произошло важнейшее событие для дальнейшего развития евразийского пространства – Белоруссия, Казахстан и Россия подписали договор о создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) [2]. В Договоре и сопутствующих документах оговорены все основные направления дальнейшего сотрудничества в перспективе до 2025 года от создания новых совместных проектов в производственной сфере и сельском хозяйстве, до формирования единого энергетического, транспортного и финансового пространства. Определены места дислокации основных наднациональных структур: ЕЭК – в Москве, Евразийский суд – в Минске, а Финансовый центр – в Алматы. Создание Евразийского экономического союза выводит страны-участницы на более высокий уровень интеграции. В

рамках Союза планируется свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы, осуществление согласованной политики в таких ключевых отраслях экономики, как энергетика, промышленность, сельское хозяйство, транспорт. Таким образом, будет сформирован крупнейший общий рынок на пространстве СНГ в 170 миллионов человек, который станет новым мощным центром экономического развития. Приведем в этой связи результаты социологического опроса, проведенного ВЦИОМ. Согласно опросу, к созданию ЕАЭС Россией, Казахстаном и Белоруссией положительно относятся 70% наших сограждан. При этом 41% россиян хотел бы видеть Евразийский союз совершенно новым объединением, у которого будет своя форма и принципы работы. Каждый четвертый (27%) высказался за то, чтобы этот союз стал новой формой СССР, при политической независимости стран-участниц. Еще 10% полагают, что ЕАЭС будет евразийским аналогом Евросоюза (ЕС) [3]. То есть, речь идет не о механическом возрождении СССР, а о необходимости создания совершенно новой межгосударственной структуры и соответственно формировании новой постсоветской политической, культурной идентичности, отвечающей императивам и вызовам современного мира.

Указанные события вновь актуализировали вопрос о перспективах таких феноменов как постсоветское пространство и постсоветская культурная идентичность.

Как известно, в результате распада СССР формируется регионально-территориальная локализация новых независимых государств (СНГ), связанных общностью прошлой истории в рамках единого союзного государства, и образующих постсоветское пространство в масштабах мирового политического ландшафта.

Напомним, что термин «постсоветское пространство» был использован профессором А. Прузаускасом в его статье «СНГ как постколониальное пространство» [4]. Словосочетание возникло после известных событий 8 декабря 1991 г., когда Латвия, Литва и Эстония отказались войти в новое политическое образование – СНГ (Содружество Независимых Государств), которое было призвано регулировать отношения между новыми независимыми государствами. До 2009 г. (когда Грузия вышла из состава СНГ) понятие «СНГ и Прибалтика» было тождественно понятию «постсоветское пространство».

Представляется, что в контексте произошедших событий 2014 года было бы не совсем объективным считать, что понятие «постсоветская идентичность» относится исключительно к категориям исторического прошлого. Совместная история, культура, единое «евразийское месторазвитие» обусловили наличие в организме новых суверенных государств общих идентификационных черт, несмотря на разновекторность их современного политического развития. Более того, именно данные общие идентификационные черты в сфере культуры, хозяйствования, система ценностей дают пролонгированный эффект потенциальной интеграции нового геополитического сообщества. Фактором, который содействует перспективам данной интеграции, являются исторические традиции сотрудничества народов, советская многонациональная культура, феномен некогда общего для всех русского языка.

Вместе с тем следует отметить, что изучение постсоветского пространства связано с неординарностью и сложностью предмета исследования, по-разному оцениваемыми в связи с политическими, идеологическими, культурными, конфессиональными и другими предпочтениями. В логике тех, кто стремится придать забвению прошлое СССР, доминирует точка зрения, согласно которой постсоветское пространство может рассматриваться только в понятийно-категориальном контексте исторической науки [5]. Можно констатировать, что исследователи, в целом признающие субъектность постсоветского пространства, не единодушны в оценке перспектив его сохранения и развития.

Одной из главных проблем изучения этой научной проблемы является неординарность и политизированность предмета исследования. Исследователи, в целом признающие субъектность постсоветского пространства, не единодушны в оценке перспектив его сохранения и развития. В качестве основного препятствия на пути интеграции постсоветского сообщества называют «строительство национальных государств государствообразующими нациями, сложно совместимое с объединением в федеральное государство или общее пространство». Этнополитическая идеология, проявляющаяся в требованиях политической автономии,

«противодействию культурной нивелировке, стремлениях «этнокультурной идентификации», поиске исторических оснований национальной государственности и самобытности служит инструментарием политического становления новых независимых государств.

Анализ постсоветского социокультурного пространства нуждается в учете современных тенденций, присущих мировому ландшафту. Современный мир характеризуется параллельно развивающимися, противоположными, но взаимосвязанными тенденциями. С одной стороны, это интенсивный процесс интеграции государств, открытость границ и мобильность «граждан мира», глобальная унификация стандартов и образов жизни, увеличившиеся масштабы обмена информацией, капиталом, технологиями, формирование глобальных политико-экономических союзов, усиление роли транснациональных корпораций. В связи У. Бек так характеризует происходящие кардинальные перемены: «Новы не только повседневная жизнь и действия, перешагнувшие национально-государственные границы и покрывшие государства плотной сетью взаимных зависимостей и обязанностей; нова и «непривязанность к определенному месту» общности, труда, капитала; новы также осознаваемые угрозы экологии и связанные с этим арены действия; ново не поддающееся разграничению восприятие транскультурных «других» в собственной жизни; нов и уровень циркуляции «глобальной индустрии культуры»; новы и увеличившееся количество европейских государств, и могущество транснациональных акторов, институций и договоров; наконец, нов размах экономической концентрации, который, правда, притормаживается новой, не признающей государственных границ конкуренцией» [6].

По этому поводу российский философ Межуев В.М. замечает: «Жизнь в современном мире не укладывается в привычные для большинства людей границы их традиционной самоидентификации – цивилизационной, религиозной, культурной, национально-государственной и пр., то есть сами границы остаются, но они уже не вмещают в себя все содержание человеческой жизни в глобальном обществе. Возникает ситуация «кризиса» всех существующих форм идентичности, когда ни одна из них не гарантирует человеку сознания его современности» [7].

С другой стороны, мы являемся свидетелями прямо противоположных процессов, связанных с увеличением степени фрагментарности и локальности мира, усилением культурной дифференциации народов, возрождением традиционных ценностей, актуализацией этнокультурной идентичности, зачастую приводящих к конфликтам. Вполне вероятно, что таким образом человеческое сообщество пытается спастись от угроз и опасностей культурного единообразия и унификации социальной жизни. В данном контексте актуализацию этнокультурной идентичности можно охарактеризовать как стремление к экзистенциальной безопасности через принадлежность индивида к той социальной, этнической группе, которая обеспечит ему большую устойчивость и лучшие перспективы в этом изменяющемся и нестабильном мире.

Постсоветское социокультурное пространство, при всей его сложности и неоднородности характеризуемое исторической взаимосвязанностью, может выступить соединительной тканью современной глобальной интеграции, поскольку усиление и интенсификация культурных контактов становится основой диалога культур. Вместе с тем возможна и другая модель, когда социокультурное пространство уменьшает степень притяжения между ее составляющими, делая их обособленными и изолированными.

Идентификация постсоветского социокультурного пространства сопряжена со следующими важными факторами: усилением влияния глобализационных, модернизационных трендов и процессами регионализации, фрагментации общественно-политического ландшафта. Постсоветское социокультурное пространство характеризуется различными природно-климатическими, хозяйственными, этнокультурными особенностями, обширной географией. Его части составляют определенные ойкумены, где сложились специфический уклад жизни населения, ментальность, уникальная культура, идентичность, чему во многом способствовали своеобразные условия жизни, история формирования населения, взаимодействие культур и традиций.

Все это определяет необходимость исследования постсоветской идентичности, социокультурных особенностей населения, проживающего на территории постсоветского пространства как важного фактора их экономического, социально-демографического,

культурного развития. В современных условиях чрезвычайно важно понимание внутреннего мира, идентичности населения новых постсоветских государств, их культурное взаимодействие и их проявление в социально-культурных практиках.

В этой связи особое значение приобретает исследование адыго-абхазской культурной идентичности в контексте постсоветского социокультурного пространства. Как известно адыгский и абхазский этносы связывают историко-культурные корни, культурно-генетические связи, принадлежность к единой языковой общности (адыго-абхазская языковая группа). Данное исследование имеет важное значение в контексте поиска возможностей реинтеграции постсоветского социокультурного пространства, путей и механизмов придания центростремительным тенденциям взаимодействия новых независимых государств поступательного и перспективного характера.

Постсоветское социокультурное пространство потенциально способно при-обрести свойства культурно-идентификационного аттрактора, интегратора, отвечающего вызовам глобализирующегося мира.

Литература:

1. <http://www.c-inform.info/> Информационное агентство Крым (дата обращения - 18.07.2014).
2. <http://ria.ru/spravka/20140529/1009667833.html> (date of access- 07/18/2014).
3. <http://wciom.ru/> Пресс-выпуск №2618 «Россияне – о создании Евразийского экономического союза». 3.07.2014.
4. Празиускас А. СНГ как постколониальное пространство // Независимая газета. 1992. 7 февр.
5. Егоров В.Г. Постсоветское пространство как предмет научного осмысления // Обозреватель-Observer. 2011. №9. С. 49.
6. Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма – ответы на глобализацию. М., 2001. С. 29.
7. Межуев В.М. Проблема современности в контексте модернизации и глобализации // Полития. 2004. №3. С. 110.

References:

1. <http://www.c-inform.info/> News Agency of Crimea (date of access - 07.18.2014).
2. <http://ria.ru/spravka/20140529/1009667833.html> (date of access- 07/18/2014).
3. <http://wciom.ru/> Press release №2618 "The Russians about the establishment of the Eurasian Economic Union". 03/07/2014.
4. Prazauskas A. CIS as a postcolonial space // Independent newspaper. Feb 7, 1992.
5. Egorov V.G. Post-Soviet space as a matter of scientific judgment // Observer. 2011. № 9. 49 p.
6. Beck U. What is globalization? Errors of globalism - responses to globalization. M., 2001. P. 29.
7. Mezhuev V.M. The problem of modernity in the context of modernization and globalization // Politia. 2004. № 3. P. 110.